

Военные 1994
Мемуары 1996

Полковник
Г.Т. Алёхин

ИЗЛОМ НЕОБЪЯВЛЕННОЙ ВОЙНЫ

Первая чеченская

Военные мемуары (Вече)

Геннадий Алёхин

**Излом необъявленной
войны. Первая чеченская**

«ВЕЧЕ»

2020

Алёхин Г. Т.

Излом необъявленной войны. Первая чеченская / Г. Т. Алёхин — «ВЕЧЕ», 2020 — (Военные мемуары (Вече))

ISBN 978-5-4484-8237-3

Двадцать пять лет назад федеральные войска пересекли административную границу Чечни для обеспечения территориальной целостности Российского государства, наведения конституционного порядка и общественной безопасности на территории этого субъекта Российской Федерации. Так началась первая чеченская война, необъявленная и кровавая, по масштабам предательства и политического цинизма не имеющая себе равных в новейшей истории России. Главными героями в этой войне и книге, которую держит в руках читатель, стали солдаты, офицеры и генералы, которые, расплачиваясь за просчёты политиков, проявили мужество и героизм и до конца выполнили свой воинский долг. Многие – ценой своей жизни. Военный журналист полковник запаса Геннадий Алёхин – непосредственный участник и свидетель тех драматических событий. В своей книге он открывает завесу и тайные пружины войны, анализирует причины и последствия конфликта, его информационную составляющую, возвращая многим забытым подвигам заслуженную славу, участникам трагических событий – имена. В лихие девяностые годы прошлого столетия наша страна переживала смутное время: она угасала буквально на глазах, стремительно падал престиж армии. Но именно люди в погонах, прошедшие испытания двумя чеченскими войнами, сохранившие верность традициям долга и воинской чести, может быть даже не задумываясь об этом, сумели выполнить главную задачу – остановить развал России. Автор выражает благодарность Нине Дворяк за помощь при подготовке книги. Использованы фотографии Владимира Сварцевича, Валерия Матыцина, Александра Максимова и из личного архива автора.

ISBN 978-5-4484-8237-3

© Алёхин Г. Т., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Предисловие	6
Часть I. «Мы все войны шальные дети: и генерал, и рядовой»	8
Глава 1. Экскурс в историю	8
Глава 2. Грозный: между прошлым и БУДУЩИМ	12
Глава 3. Операция без названия	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Геннадий Тимофеевич Алёхин

Излом необъявленной войны

Первая чеченская

Предисловие

Читатели, спасибо, что вы раскрыли эту книгу, что читаете эти строки! О чём эта книга? Она не только про историю, хотя именно история стала её главным содержанием. Она про людей, удивительных людей, людей чести и долга, кто в страшные годы безвременья и лихолетья, как метко сказал один из героев тех событий майор Пётр Демчук, «служил России вопреки её желанию». О тех людях, кто смог отразить страшный удар экстремистов, сторонников национализма, нанесённый по России в её трудное время становления в новом статусе.

Сегодня уже выросло целое поколение, для которого война на Кавказе – это понятие из далёкого прошлого, почти такого же далёкого, как походы генерала Ермолова или рейды поручика Лермонтова. Для которых дорога от Минеральных Вод до Махачкалы – это шесть часов комфортной езды по современной трассе с придорожными кафе и селфи на фоне величественных кавказских хребтов. Для которых город Грозный – это современная сказка из стекла, камня и огня. Мир и покой!

А для нас, всех тех, кто на своих плечах пронёс страну через мучительные испытания, сквозь эту мирную идиллию высвечиваются в памяти совсем другие картины: сгоревшая колонна на горном серпантине у Ярышмарды; «крокодил», втыкающий дымные копья «нурсов» в склон горы; российский флаг над Бамутом; страшный, обугленный, истерзанный и почти стёртый с лица земли Грозный; погребальные нефтяные факелы горящих скважин над городом... И перед глазами встают лица погибших друзей, сложивших свои головы в этой жестокой, кровавой междоусобице. Вновь и вновь память рисует пропитанные дождём и предгорным туманом палатки на склонах под Центороем; вечно дымящие буржуйки; чёрные от грязи матрасы да латанные спальники – скудный бивуачный быт. Вспоминается запах горячей тушёнки из сухая, расклёкшегося сырого хлеба да обжигающего чая.

Не сыскать уже больше тех полевых лагерей. Да что там лагерей! От военной столицы Ханкалы уже ничего не осталось. А ведь целый город выкопали тогда в местном чернозёме. Палатки, землянки, колючка, траншеи, склады, автопарки. Всё – в земле, всё – под землёй. Каждый «квартал» – это полк или дивизия. Между «кварталами» – свои улицы. Теперь только заплывшие землёй квадратные ложбины напомнят, что когда-то тут жили и служили мы.

Для нас – тех, кто прошёл дорогами той войны, путь от Минвод до Махачкалы занял почти десять лет, прежде чем война уползла с этих шоссе и дорог.

Мир изменился! Точнее сказать – сюда, на Северный Кавказ, вернулся мир. И вернулся он благодаря тем, кто с оружием в руках стоял на пути у экстремистов и террористов. Благодаря русским солдатам и офицерам, чеченским милиционерам и бойцам, дагестанским ополченцам. Благодаря этим людям Россия уцелела в 90-е, не распалась окончательно. Не стала добычей боевиков и джихадистов. Ведь именно здесь, на Северном Кавказе, в Чечне, Ингушетии и Дагестане, военный джихад интернационального масштаба нанёс свой первый мощный удар, пытаясь отколоть эту часть территории от России.

Эта книга написана настоящим фронтовым журналистом, военным писателем Геннадием Алёхиным. С его творчеством я знаком больше 20 лет. Судьба свела нас в годы первой чеченской войны. Именно тогда во Владикавказе Алёхин начал выпуск газеты только-только сформированной 58-й армии, которая на многие годы стала ключевой военной силой, противо-

стоящей экстремистам и боевикам. Которая на своих плечах вынесла две чеченские войны и операцию по принуждению Грузии к миру. Героическая армия! Боевая! И историю этой армии начал писать военный журналист Алёхин.

Его яркие, самобытные очерки и рассказы быстро завоевали популярность среди солдат и офицеров. Фронтовые дневники легли в основу книги. А герои тех сражений живут теперь на её страницах. Геннадию Алёхину довелось лично встречаться и работать с целой плеядой талантливых полководцев чеченской войны: Геннадием Трошевым, Владимиром Шамановым, Сергеем Макаровым, Владимиром Булгаковым, Виктором Казанцевым. Он был рядом, когда принимались решения, определившие судьбу этого региона. Но, кроме личных воспоминаний, Геннадий смог собрать рассказы, комментарии и воспоминания многих офицеров и генералов, прошедших вместе с войсками по огненным дорогам Кавказа. Это поднимает книгу над обычными авторскими мемуарами.

«Излом необъявленной войны» – это своего рода антология свидетельств участников тех событий. На её страницах – живые образы и истории встреч с самыми разными участниками тех событий – от гения танца Махмуда Эсамбаева до лидеров экстремистов Ахмеда Закаева и Мовлади Удугова. От собратьев по профессии – военных журналистов и писателей – до политиков, депутатов и министров.

В книге множество фактов и свидетельств, никогда ранее не публиковавшихся и впервые поступивших в открытый доступ.

Прочтя эту книгу, вы, читатели, сможете узнать истинную цену, заплаченную нами за мир на Кавказе, узнать о людях воинского долга, благодаря которым этот мир всё же наступил. Узнать и ответить себе на вопрос, почему Кавказ – это Россия и почему в этом единстве – залог целостности всей нашей огромной Родины...

*Владислав Шурыгин,
военный журналист, публицист, эксперт,
член Союза писателей России,
участник двух чеченских кампаний*

Часть I. «Мы все войны шальные дети: и генерал, и рядовой»

Глава 1. Экскурс в историю

Уже два века не прекращаются споры о причинах Кавказской войны 1817–1864 гг., её результатах и последствиях для развития народов Северного Кавказа. Однозначного ответа до сих пор не найдено. На каждом историческом этапе развития нашей страны Кавказская война, длившаяся почти пятьдесят лет, трактовалась исследователями по-своему. Зачастую с оглядкой на политические реалии. К примеру, в советский период многие вещи трактовались однобоко или вовсе замалчивались. И наоборот, после развала Советского Союза политика России в этом регионе стала рассматриваться исключительно как захватническая и варварская. Однако это слишком легковесная и не всегда отвечающая исторической правде формула.

Ещё более ошибочным и чересчур упрощённым, на мой взгляд, было бы деление противостоящих сторон (в данном случае русских и горцев) на положительных и отрицательных, на злых и добрых. Не эти ли примитивнейшие трактовки и поверхностные суждения легли в основу принятия политических и военных решений четверть века назад, на рубеже третьего тысячелетия, когда две чеченские войны – одна за другой – ломали человеческие судьбы, невзирая на национальности?

История Кавказской войны XIX века, как и новейшая история чеченского конфликта, имеет много нерешённых вопросов, ответы на которые сложно, а может быть, и невозможно найти. Однако дать оценку тем далёким событиям, не унижая и не оскорбляя национальных чувств потомков, жизненно необходимо. Хотя бы для того, чтобы не допускать просчётов и ошибок в будущем.

На протяжении всей Кавказской войны происходила периодическая смена генеральной линии (политики) действий Российского государства. Можно насчитать пять периодов:

1. 1817–1826 гг. – так называемый ермоловский период;
2. Конец 1820-х – начало 1830-х гг. Период относительно бессистемных и пассивных действий России в условиях становления и активизации мюридистского движения на Северном Кавказе под лозунгами шариата и газавата;
3. Середина 1830-х – 1840-е гг. – период противостояния русской армии и войск Шамиля;
4. Середина 1840-х – 1859 г. – постепенное овладение русскими войсками территорией имамата Шамиля;
5. 1859–1864 гг. – заключительные операции русских войск на Кавказе.

Ключевыми фигурами тех лет, бесспорно, являются яркие и незаурядные личности – генерал русской армии Алексей Ермолов и имам Шамиль. Оценивая действия наместника Кавказа Ермолова и то, какие средства выбирались для покорения горцев, надо помнить и хорошо знать, что русский командующий был сыном своей эпохи и не отличался особой, специфической жестокостью, которая не была бы характерна, например, для других военачальников того же исторического этапа.

С момента своего прибытия на Кавказ он объявил горским народам, что жёсткие меры будут применяться только к тем, кто противится принятию русского подданства. Реалии политики России и её интересы не оставляли А. Ермолову иного выбора. Конечно, Ермолов не вынашивал идеи геноцида. Ни в коем случае! Речь шла только о жёстких правилах ведения войны, с помощью которых он планировал не только достичь поставленных целей, но и принести мир народам, долгие годы раздираемым междоусобицей.

В конце концов генерал добился того, что ни один грабёж, ни один набег не оставался безнаказанным. В своих действиях Ермолов стремился проводить тонкую политику по отношению к мирному населению. Командующий считал, что горцам необходимо ясно показать, что русские воюют не с народом, а с разбойниками и бандитами. А. Грибоедов, взгляды которого на выбор средств и мер для успокоения Кавказа расходились с мнением А. Ермолова, признавал: «По законам я не оправдывал иных его самовольных поступков, но вспомни, что он в Азии, – здесь ребёнок хватается за нож».

Уместным будет и следующее высказывание учёного-востоковеда М. Казем-Бека: «Великодушие, бескорыстная храбрость и правосудие – вот три орудия, которыми можно покорить весь Кавказ, одно без другого не может иметь успеха. Имя Ермолова было страшно и особенно памятно для здешнего края: он был великодушен и строг, иногда до жестокости, но он был правосуден, и меры, принятые им для удержания Кавказа в повиновении, были тогда современны и разумны».

Значимость и величие Шамиля признавали не только сами горцы, но и умудрённые опытом Кавказской войны русские генералы. Ему удалось за сравнительно короткий срок решить задачу по сплочению в единое государство с идеологией и законодательством конгломерат трудноуправляемых общин и племён. Он создал имамат. Фактически монархию тоталитарного характера.

Шамиль не останавливался ни перед чем, в том числе жёстким подавлением любых проявлений неповиновения. Сам имам, уже после того как попал в плен, признавал, что считал свои действия правильными: «Я управлял народом скверным, разбойниками, которые тогда только сделают что-нибудь доброе, когда увидят, что над их головами висит шашка, уже срубившая несколько голов... Если бы я поступал иначе, я должен был бы дать ответ Богу, и Он бы меня наказал за то, что я не наказывал строго свой народ».

Сочетание внутренней стабильности имамата и сильной армии позволили Шамилю сосредоточить в своих руках небывалую по тем временам власть в горной части Северного Кавказа.

В полной мере осознав, с кем пришлось столкнуться русским войскам на Кавказе, Николай I стал искать новые, более продуманные подходы. Решать сложные кавказские проблемы предстояло не безликим служакам, слепо исполнявшим волю государя-императора, а одарённым, опытным и авторитетным военным, способным на принятие ответственных решений в духе политики и времени.

Выбор пал на генералов: вначале на М. Воронцова, затем на А. Барятинского. Во многом они продолжили ермоловскую линию. Как отмечал впоследствии сам имам Шамиль, с 1845 года стратегия войны России вышла на правильный путь. В чём она заключалась? Прежде всего в том, что применялись меры не только военного, но и политического характера. Политика по отношению к рядовым горцам стала более гибкой, расширялись торговые связи. В результате условия жизни социальных низов вне имамата стали намного лучше, чем под властью Шамиля.

В августе 1859 года четырнадцать батальонов окружили дагестанский аул Гуниб. Штурм был жестоким. Шамиль капитулировал. Царь его помиловал. Последние годы своей жизни тот провёл в Калуге. Он никогда больше не сказал о России ни одного плохого слова. Наоборот, призывал горцев никогда не воевать с русскими. А через пять лет после пленения Шамиля закончилась и полувековая борьба за Кавказ. 21 мая русские отряды соединились в горах у посёлка Сигнаха.

И в дальнейшем Россия старалась проводить гибкую политику на Кавказе. В то же время проявлялся особый подход по отношению к населению Чечни ввиду его «неблагонадёжности». Метод кнута и пряника позволил внести раскол в ряды горцев и ускорить процесс стабилизации обстановки на Кавказе. Однако процесс интеграции горских народов в состав России, а затем и СССР носил непростой и даже противоречивый характер. Вспышки сепаратизма,

антирусских выступлений вспыхивали периодически, вплоть до начала Великой Отечественной войны. И как только ослабевала политическая система государства, утрачивалась способность обеспечить свою внутреннюю безопасность – наступали времена конфликтов и вооружённого противостояния.

Особое место занимает участие народов Кавказа на фронтах Великой Отечественной войны. Анализ многочисленных архивных документов позволяет сделать вывод, что народы Кавказа проявили массовый героизм и активно участвовали в боевых действиях на фронтах. Однако не стоит забывать и тот факт, что обстановка в тылу советских войск на Северном Кавказе была крайне сложной.

Ещё перед войной германское руководство обращало пристальное внимание на этот регион. Гитлеровцы пытались поссорить народы, населяющие регион. В некоторой степени этого удалось добиться. Активизировались националистические банды, своей деятельностью создававшие благоприятные условия для диверсионных и разведывательных действий немецких войск. Формировались целые роты из представителей коренного населения региона, цель которых сводилась к подрывной деятельности против местной власти и советских воинских частей.

Заброски немецких агентов и парашютистов стали в тот период нормой. Немецкая агентура пыталась координировать бандгруппы, а также спровоцировать вооружённое выступление против советской власти. Активизировалась пропаганда. В листовках, отпечатанных тысячными тиражами, напоминалось об обиде столетней давности. Горцев призывали уничтожать «русских захватчиков» и помогать «великой Германии». Для пресечения деятельности бандформирований советское руководство решило одним ударом максимально сузить социальную базу повстанчества. Была осуществлена массовая депортация чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, когда без малого полмиллиона чеченцев и ингушей были оторваны от родной земли. Они смогли вернуться на родину лишь в 1957 году.

Советское руководство неоднократно предпринимало попытки забыть эту мутную историю с переселением. Из библиотек и музеев изымались книги и документальные материалы о врагах народа. Задним числом менялись даже национальности погибших во время войны чеченцев, Героев Советского Союза. Так, А. Байбулатов был записан кумыком, Х. Магомед Мирзоев – таджиком, Х. Нурадилов – татарин.

Не забыли только чеченцы и ингуши. Приведу лишь два примера. Проходя офицерскую службу в начале 80-х годов в Грозном, 23 февраля решил поздравить своего соседа-чеченца. Знал, что в своё время он проходил службу в рядах Советской армии. Он сразу помрачнел, потом покрутил пальцем у виска и, стараясь сдерживаться, произнёс:

– Геннадий, хороший ты парень, но больше никогда не поздравляй меня с этим днём. Я родился в Казахстане, мою семью депортировали как раз в этот день, 23 февраля 1944 года. Не все выжили... Такое не забывается.

В тот момент я готов был провалиться сквозь землю. Извинился за бестактный поступок. Сосед был продвинутым и компанейским мужиком. Всё понял. Потом мы даже несколько раз выпивали вместе. Но тот случай стал для меня хорошим уроком.

Чеченцы хорошо помнили не только печальную историю недавнего прошлого, но и события вековой давности. Из поколения в поколение передавали. На моих глазах в горных селениях родители пугали своих детей «страшным Ермоловым». И памятник взрывали генералу, установленный в центре города. На месте взрыва оставляли записку, примерно такого содержания: «Пока я жив – стоять не будешь!» Писал кто-то из чеченцев. А затем к разбитым плитам возлагались цветы. Красные гвоздики. От русских. Было и такое. Чего скрывать!

Развал Советского Союза и последующее усиление националистических и сепаратистских движений нанесли непоправимый урон нравственному здоровью российского общества. До сих пор оправиться не можем.

И ещё один сложный момент, о котором я часто размышляю, когда речь заходит о политике нашего государства на Кавказе: если начали войну, надо её завершать, а не приостанавливать, как это произошло в первую чеченскую кампанию, когда были совершены, на мой взгляд, две ключевые ошибки.

Первая – это ввод войск (а не точечные удары спецслужб), позволивший Д. Дудаеву консолидировать вокруг себя основные силы сепаратистов «перед лицом внешней угрозы» и заручиться поддержкой Запада. Вторая – вывод войск после Хасавюртовских соглашений, когда оставленная в покое Чечня лишила этого самого покоя своих соседей, что и подтвердили последующие трагические события 1999 года в Дагестане, а затем и в самой Чечне.

Не всегда, к сожалению, извлекаются уроки из далёкого и недавнего прошлого...

Глава 2. Грозный: между прошлым и БУДУЩИМ

Почти сорок лет назад я впервые оказался в этом городе. Таксист из Орджоникидзе (нынешний Владикавказ) лихо, с ветерком, «по двойному счётчику» домчал меня в столицу Чечено-Ингушской АССР – Грозный. Стояла душливая, влажная августовская жара. Только что в Москве завершились Олимпийские игры, поэтому на многих остановках общественного транспорта всё ещё красовалась эмблема Олимпиады. В зелёных парках и скверах гуляла молодёжь, мужчины – поголовно в шляпах и кепках-«аэродромах», часто встречались старики в папах и хромовых сапогах, а женщины носили косынки.

Прибыл я сюда для прохождения офицерской службы в 42-ю учебную мотострелковую дивизию. Её военные городки располагались в разных частях города: 1-й городок – в самом центре, между драмтеатром им. Х. Нурадилова и Домом печати; 2-й – на берегу реки Сунжи, рядом со следственным изолятором; 4-й – за Бароновским мостом, где проходила дорога к аэропорту Северный. А самый большой – 15-й военный городок – расположился за площадью Минутка.

Переночевав в офицерском общежитии, что находилось рядом с автомобильным батальоном, мы с группой товарищей, такими же молодыми лейтенантами, направились «покорять» Грозный. До сих пор согласен с мнением многих, что Грозный считался в советское время одним из красивейших городов Северного Кавказа, да, пожалуй, всего юга страны. Он утопал в зелени, можно было бесконечно любоваться широкими проспектами и магистралями. Современные сооружения хорошо сочетались с архитектурой сталинского периода – монолитными, прочными административными зданиями и жилыми домами.

А ещё сохранились тогда многие исторические места и памятники XIX – начала XX века. К примеру, рядом с домом, где я жил, стоял необычный, сравнительно небольшой по размерам памятник, окружённый высоким каменным забором и колючей проволокой. Соорудили его ещё до революции. В семидесятых годах, уже при советской власти, несколько раз каменный монумент с небольшим бюстом взрывали. А в 1989 году, за два года до распада Советского Союза, и вовсе снесли. Это был памятник легендарному русскому генералу, герою Кавказской войны XIX века, основателю крепости Грозная Алексею Ермолову. Памятник установили на месте землянки, где он проживал полтора века назад.

Именно Ермолову обязан Грозный своим появлением. 22 июня 1818 года в низовье реки Сунжи была основана русская крепость, получившая название Грозная. Она была построена в рекордные сроки, всего за четыре месяца. Пять тысяч русских солдат трудились здесь и днём, и ночью. При строительстве использовали преимущественно саман и дерево. Построенная в шести верстах от Ханкальского ущелья, крепость закрывала горцам выход через ущелье на равнину. Уже вовсю шла Кавказская война.

У многих при слове «крепость» в голове возникает картина средневекового замка. Мне тоже так казалось, пока я не побывал в местном краеведческом музее во время знакомства с городом.

На самом деле ничего похожего с каменными средневековыми сооружениями крепость Грозная не имела. Она представляла собой правильный шестиугольник, каждый угол которого выдавался вперёд бастионом с амбразурами для двух орудий. Валы самой крепости были земляные, укреплённые палисадами. Внутри цитадели располагались хранилища для оружия и боеприпасов, казармы и караульные помещения. Постройки в Грозной были деревянными или турлучными, из вкопанных в землю шестов, обмазанных глиной. Реже саманными, из глинистого кирпича, песка и соломы.

Именно со строительством крепости Грозная можно вести своеобразный отсчёт отношений русских, чеченцев и других горских народов. С того момента им суждено было жить

вместе. Разные были времена: и светлые, и трагические. К примеру, даже на протяжении весьма длительного периода Кавказской войны отношения между русскими и горцами не всегда носили враждебный характер. Зачастую казаки и чеченцы встречались неофициально, соревнуясь в искусстве владения оружием и конём. Оживлённо велась торговля.

Народы Северного Кавказа, в том числе чеченцы и ингуши, были присоединены к России насильственно. В течение столетия происходила ломка вековых устоев, традиций и обычаев. Причём далеко не всегда мирным путём. Политика руководства царской России и советского руководства не отличалась разнообразием: всё-таки преимущественно использовались силовые методы.

Такая деятельность государства неизбежно приводила к недовольству, межнациональным конфликтам и вооружённому сопротивлению в регионе. Поэтому народам Северного Кавказа пришлось пережить сложные периоды: и депортацию, и жёсткую борьбу с бандитизмом.

В то же время нельзя отрицать небывалый расцвет в области межнациональных отношений, удалось добиться существенных результатов в вопросах ликвидации неграмотности населения, формирования национальных кадров, искоренения нищеты. Наблюдался подъём культуры, модернизация всех сфер жизни.

Уже в семидесятые и восьмидесятые годы прошлого столетия Грозный становится поистине многонациональным и даже интернациональным городом. В нём уживались все: чеченцы, ингуши, русские, армяне. И комфортно себя чувствовали! Я как раз и застал это золотое время расцвета республики.

По роду своей профессии военного журналиста я близко общался с коллегами из местных средств массовой информации. Кстати, республиканская газета «Грозненский рабочий» представляла собой мощный интернациональный сплав, состоящий из крепких журналистов – русских, чеченцев, ингушей. Мы часто собирались после трудового дня у заведующего информационным отделом Анатолия Журавлёва. Это называлось «посиделками по пятницам». Пропускали по рюмочке-другой. А когда не хватало, продолжали беседы в ресторане «Океан» или летнем кафе, недалеко от кинотеатра «Космос». Много спорили, шутили.

По мере добавления градусной жидкости переходили к политике. Саламу Мадаев, Ваха Сайдаев (чеченцы), родившиеся в Казахстане, вспоминали депортацию и её последствия. Абу Гадаборшев (ингуш) часто затрагивал тяжёлую тему мирного противостояния ингушей, требовавших прекращения их дискриминации по национальному признаку на площади Ленина в январе 1973 года. А Толик Журавлёв (русский), коренной грозненец, вспоминал, как чеченцы и ингуши возвращались из ссылки в 1957 году. Не все их ждали с распростёртыми объятиями: ведь на тех землях, где жили они прежде, давно поселились другие люди. Возникали споры, драки на почве имущественных и земельных отношений. Обстановка тогда так накалилась, что дошла до трагедии, когда в драке убили молодого русского парня, рабочего химического завода. И на почве межнациональных разногласий возникли массовые беспорядки. Настолько массовые, что пришлось привлекать войска.

Наши журналистские споры под бутылку, впрочем, имели цивилизованный характер. Мы никогда не дрались, а наш спор вокруг этих острых вопросов, как правило, заканчивался мирно. Хотя об этом не принято было говорить вслух, но мы говорили и даже тихо ругали власть, прошлую и нынешнюю, за перегибы и просчёты в вопросах межнациональных отношений. В конце застолья дружески обнимались и расходились.

Кстати, в Грозном я женился. Круг общения расширялся, появлялись новые знакомые среди творческой интеллигенции и молодых чиновников из числа работников комсомола. Моя жена как раз работала инструктором в горкоме комсомола. Регистрировали свои семейные отношения в ЗАГСе напротив площади Ленина. Распорядитель торжества – статная дама в строгом платье – сообщила нам, что семь лет назад она скрепила семейные узы уже известному тогда кинорежиссёру Н. Михалкову, снимавшему в этих местах знаменитый фильм «Свой

среди чужих, чужой среди своих». Я даже горд был. На свадьбе у нас гулял грозненский бомонд: журналисты, чиновники, молодые учёные. Ну и, конечно, офицеры, мои сослуживцы.

Позже я познакомился на съезде Союза журналистов республики (куда попал по нарядке от военных) с некоторыми персонами, которые через несколько лет станут играть ключевые роли в администрации Джохара Дудаева. К примеру, с актёром театра имени Х. Нурадилова Ахметом Закаевым и будущим президентом независимой Ичкерии Зелимханом Яндарбиевым. Последний к тому же считался поэтом, публиковал свои стихи в различных журналах. Например, в журналах «Дон» и «Дарьял». Не гнушался демонстрировать свои поэтические способности в знаменитой грозненской пивной, недалеко от центрального Аракеловского магазина.

В те годы я встретился с великим танцором (таковым он стал ещё при жизни), народным артистом СССР Махмудом Эсамбаевым. Взял у него интервью. Он хорошо относился к военным и охотно согласился ответить на мои вопросы. Беседа длилась час с небольшим. Эсамбаев, не снимая папаху, шутил и на протяжении всей беседы оставался в приподнятом настроении. Он никогда не снимал папаху. Был единственным депутатом Верховного Совета СССР, которому разрешалось сидеть на заседаниях в головном уборе. Рассказывают, что Леонид Брежнев перед выступлением оглядывал зал, а когда видел папаху Эсамбаева, говорил: «Махмуд на месте, можем начинать».

Правда, один раз Махмуд нарушил свою негласную традицию. Проходило торжественное мероприятие, посвящённое героической битве за Кавказ. Махмуд Эсамбаев прилюдно снял папаху и поклонился доблестным защитникам Северного Кавказа и Грозного, в тяжёлую пору не пропустившим гитлеровцев в город.

Связь армии и народа в те годы была очень крепкой. Когда приезжали корреспонденты ведущих газет и журналов страны, обязательно приглашали делегата съезда партии и работника завода «Красный молот» Сажи Умалатову. Делали постановочный снимок с военными, преимущественно отличниками боевой и политической подготовки. Часто гостями военнослужащих Грозненского гарнизона становились известные спортсмены и актёры. Мало кто знает, что неоднократная олимпийская чемпионка по спортивной гимнастике Людмила Турищева родилась и выросла в Грозном. Из простой семьи, её мама работала уборщицей в средней школе.

В солдатском клубе выступал и актёр театра и кино Евгений Евстигнеев. А после торжественной части плавал в бассейне 1-го военного городка, вместе с заместителем начальника политотдела В. Кравченко. Ответсек дивизионной газеты Толя Виноградов снимал тогда это событие фотоаппаратом, а я, как самый молодой, неоднократно бегал за пивом. Скуластый армянин с золотыми зубами, стоящий на разливе, пропускал меня без очереди. Громко приговаривал: «Это же для известного актёра, профессора Плейшнера». Завсегда и пивной относились к его словам с пониманием.

Кто мог подумать тогда, что через несколько лет всё так изменится? В начале девяностых Грозный угасал на глазах. Стремительно.

Всё началось буквально со дня прихода к власти в Москве Б. Ельцина, а в Грозном – Д. Дудаева. Началось какое-то мракобесие. Лозунг нового лидера России: «Берите власти на местах столько, сколько хотите» чеченцы и ингуши восприняли буквально, как им хотелось.

На этом фоне начались массовые митинги на площадях Грозного. Беспорядки, ставшее «модным» свержение коммунистов (даже чеченцев) из обкома, горкома и других властных структур города и республики – в городе творился беспредел. Апогеем стал штурм здания, где заседал Верховный совет республики, во время которого первого секретаря горкома партии Куценко выбросили из окна его рабочего кабинета.

Советы старейшин из чеченских тейпов и муллы, лезгинка и бесконечные костры на площадях города, открытые призывы к переходу всего населения на законы ислама и шариата. Женщины должны носить паранджу, вора публично отсекают руки, а затем головы...

Приход к власти генерала Дудаева, а затем якобы демократичные и единомышленные выборы его же персоны на пост первого президента республики Ичкерия стали началом конца. Выборы прошли под охраной внезапно возникшей чеченской гвардии с автоматами Калашникова в руках на всех выборных участках.

Помнится, в России цены на хлеб «освободили», как и на другие продукты питания первой необходимости. А в Грозном Дудаев цены на хлеб удерживал на горбачёвском перестроечном уровне, ещё доступном для малоимущих и инженеров. Правда, эта «заботливая» попытка остаться островком эдакого исламского социализма среди моря своих же новых чечено-ингушских капиталистов была обречена на провал. Сразу же стали исчезать с прилавков магазинов мука и сахар. Законы экономики приказами не отменишь!

Новоявленный президент Дудаев после своего избрания выпустил из тюрем республики всех уголовников и убийц. Впечатляющее начало работы президента, согласитесь. Начались нападения на воинские части для захвата оружия. На окраинах и в центре города, днём и ночью началась канонада – переклички автоматных и пулемётных очередей. По республике прокатился уголовно-интернациональный террор против всего населения, включая чеченцев и ингушей. Но больше всего страдали русские, украинцы, армяне. Ограбления и убийства в квартирах, на улице, в подъездах домов или транспорте стали типичным явлением для того лихолетья. Люди за бесценок продавали квартиры или дома, а после нотариального заверения сделки в ту же ночь к ним приходили «новые хозяева республики» и изымали деньги.

Владельцы машин под прицелом оружия «добровольно» дарили машины бандитам и тут же заверяли «подарок» нотариально (нотариус предусмотрительно приезжал), чтобы всё было «по закону» и чтобы новым хозяевам, упаси Аллах, не было потом хлопот с перепродажей машины. Затем «новые хозяева» грузили в машину всё, что только можно было увезти. Если жертва не брыкалась и не сопротивлялась, то утюгом не пытали и в лесу не убивали. Обходились «гуманными» методами убеждения – с оружием наперевес.

С 1993 года чеченцы перестали покупать дома и квартиры у русских. «Нам и так всё даром достанется», – считали они. Заводы и организации ещё работали, но зарплату им не платили по пять-семь месяцев. Потом выдавали по номиналу, обесцененную уже раз в десять!

Преступления по отношению к русскоязычному населению не только приветствовались, но и были возведены в ранг новой государственной политики самопровозглашённого государства.

В 1992 году ВЦИОМ провёл обследование миграционных процессов в ряде союзных и автономных республик. Оказалось, что доля желающих выехать за пределы Чечни выше, чем в любой другой части бывшего СССР. Из республики собирались уехать 37 % русских, в то время даже больше, чем из охваченного гражданской войной Таджикистана.

Утвердившийся в Грозном политический режим открыто попирает права граждан. Проводилась, по существу, политика геноцида. Но тогда, да и сейчас ещё об этом не принято говорить открыто. Как, впрочем, и о депортации чеченцев в советское время.

Председатель комиссии Государственной думы по расследованию преступлений в Чеченской республике известный кинорежиссёр С. Говорухин прямо говорил: «Это действительно был разгул уголовщины... Кровь и слёзы лились в Чечне все эти годы... А уж как издевались и унижали, и говорить не приходится. Одно слово применимо к этому – геноцид». Но его никто не услышал.

Почему такое могло произойти, не пойму до сих пор. Хотя хорошо известны причины, приведшие к двум чеченским войнам. Этот конфликт, по всей видимости, имеет свою надводную, видимую часть и подводную, которая ещё долго будет скрыта плотной пеленой тайны.

И эту подводную часть в полной мере, учитывая её специфику, вряд ли удастся узнать в ближайшее время.

Ясно одно: когда центральная власть не способна в полной мере контролировать регионы, весьма специфические, возникают жестокие, кровавые конфликты. Так было в период революции, Гражданской и Великой Отечественной войн. Это произошло, к большому сожалению, и в годы распада СССР.

Через десять лет я вновь оказался в Грозном. Весной 1995 года. Я не узнал город, а вернее, то, что от него осталось!

Между разрушенными домами, старательно обходя воронки от снарядов, бродили люди, в основном старики и женщины, какие-то неживые и неестественные. В грязных, поношенных обносках, хмурые и молчаливые. В одном из дворов многоэтажки в центре города сидят старик и старуха. Сидят на пустом ящике из-под боеприпасов. Кроме них, в полуразрушенном доме живут ещё несколько семей, русские и чеченцы. Ладят между собой. Совместно пекут лепешки из муки да уютятся в подвалах.

Подъезжаем на броне к президентскому дворцу (бывшее здание обкома партии). Чёрные, покрывшиеся копотью окна, разрушенные стены, проёмы от артиллерийских и танковых снарядов. На уцелевших стенах – надписи: «Здесь был полк морской пехоты! Если надо – будем ещё!», «Смоленский ОМОН увиденным удовлетворён!», «Ломаем хребты волкам! Спецназ ГРУ!».

Площадь Минутка напомнила мне Сталинград времён Великой Отечественной. Впрочем, как и вся центральная часть города. Почти ни одного уцелевшего здания. Сохранились частные дома, правда, не все, в районах Черноречье, Катаямы и Старых Промыслах.

Долго искал дом, где жил, где прошла моя счастливая офицерская юность. Нашёл. Почти разрушенный, но подъезд сохранился. Не стал подниматься на пятый этаж: его просто не было. Одни зияющие пустоты, проёмы, куски арматуры и осевшая пыль. Мало что осталось от большого комплекса, где появился на свет мой сын. Во время штурма Грозного там находился штаб генерала Рохлина. Сюда свозили раненых.

В Грозном много лет прожил и мой шеф – генерал Геннадий Трошев, в первую войну он командовал Объединённой группировкой войск Министерства обороны. Жил на улице Коммунистической, в частном доме. Пролетая на вертолёте над русским кладбищем, крылатая машина получила пробоину. Замаскированная «зэушка» или крупнокалиберный пулемёт били почти в упор. В тот раз Бог отвёл беду и позволил генералу побывать на могиле своих родственников. Спустя тринадцать лет не уберёт, под Пермью...

На моей памяти город штурмовали несколько раз. И каждый раз рушились дома, уничтожались скверы и парки, стирались улицы и проспекты. Люди старались спасти всё, что ещё оставалось. До сих пор в памяти остался примечательный эпизод. Во время очередного штурма города, теперь уже боевиками, в августе 1996 года подразделения 205-й бригады держали оборону в Доме правительства. Здание сгорело, бойцы покинули его, оставив несколько своих «секретов» в виде растяжек и мин-ловушек. А через неделю выяснилось, что в подвалах дома находится большое количество художественных ценностей. Пришлось бойцам возвращаться. Несмотря на продолжающиеся бои, солдаты в течение нескольких дней искали картины (как потом выяснилось), обнаружив их, завернули в целлофан, аккуратно сложили и на армейском КамАЗе вывезли. Руководил эвакуацией комбат майор Михаил Гордиенко. Удалось вывезти 231 картину.

И тогда за зданием штаба Временных объединённых сил в Ханкале наблюдалась потрясающая картина. Полотна известных художников были выставлены для просушки. Военный люд, толпившийся возле полотен, напоминал необычных экскурсантов, жадно приобщающихся к прекрасному. И вот всё это – на фоне войны: в нескольких километрах от «выставки» идёт самый настоящий бой. Через считанные дни война завершится, войска покинут республику.

Но в тот момент это никого не интересовало. Заворожённые работами всемирно известных и неизвестных художников, солдаты подолгу, как прикованные, стояли возле работ известных мастеров, созерцая Айвазовского, портретиста Байкова, баталиста Рубо. Символично, что в тот день было спасено и полотно Рубо 1895 года «Пленение Шамиля».

Эти картины в своё время выставлялись в Эрмитаже, Русском музее, экспонировались в лучших музеях мира. «Пленение Шамиля» пережило аж три войны и две революции. В 1944 году во время депортации чеченцев и ингушей картину вывезли в Москву. Говорят, что висела она в кабинете Лаврентия Берии. А в 1957 году знаменитое полотно возвратилось в Грозненский музей изобразительных искусств имени П. Захарова.

Судьба оказалась благосклонной к шедеврам живописи. А к людям? К моим родственникам и приятелям, знакомым, много лет прожившим в Грозном? По-разному сложилось. Родителям моей жены удалось спешно покинуть город перед самой войной.

Анатолий Журавлёв, похоронив родителей, перебрался в Москву, работал в информационном агентстве РИА «Новости». Чеченский журналист Саламу Мадаев погиб. Его тело обнаружили в собственном доме. Пережил две войны и выжил Ваха Сайдаев, недавно ему исполнилось 80 лет. А вот известного диктора телевидения Чечено-Ингушетии, женщину потрясающей красоты (к сожалению, запамятовал имя), постигла трагическая участь. Она погибла в декабре 2002 года, когда начинённый тротилом автомобиль взорвался возле здания Дома правительства А. Кадырова. Я до сих пор помню её бархатный, очаровательный голос. Она ещё в советские времена вела программы на русском и чеченском языках. А за неделю до своей гибели передала мне стихи своего сына. Стихи о войне и мире. Мы напечатали их в газете «Военный вестник Юга России».

В начале второй войны скончался в Москве Махмуд Эсамбаев. Его похоронили на малой родине, на родовом кладбище селения Старые Атаги.

...Грозный в нулевые годы быстро восстанавливался из пепла. Чего скрывать, его величие и красота завораживают любого туриста. Однако современный Грозный, кроме названия, имеет мало чего общего с городом, основанным в XIX веке. Это касается как архитектуры, так и населения. Сегодняшняя столица Чечни – город с моноэтническим населением, за короткий срок утративший свой неповторимый интернациональный колорит. Если до войны там проживало порядка двухсот тысяч русских, то сейчас по всей республике едва можно насчитать несколько тысяч.

Надо признаться честно: сегодня ещё трудно предположить, что когда-нибудь в Грозный вернётся утраченный дух дружбы между народами, разрушенной двумя кровопролитными войнами. Будем надеяться и верить.

Но история навсегда сохранит имя русского генерала Алексея Ермолова, основавшего крепость, выросшую в большой город, объединивший в одну большую семью русских, чеченцев, ингушей, представителей других больших и малых народов. Наверняка наступят такие времена, когда по примеру предков мы снова научимся жить вместе, сменив ненависть и недоверие на дружбу и уважение.

Глава 3. Операция без названия

К войне готовились наспех. На самом высоком уровне в Москве не рассчитывали, что «наведение конституционного порядка» примет формат широкомасштабных боевых действий и затянется на несколько лет.

Федеральные чиновники, политики, даже военные с большими звёздами на погонах полагали, что вполне достаточно войти в Чечню с разных направлений, окружить Грозный и – дело в шляпе. Другими словами, использовать метод устрашения. Он и лежал в основе спешно утверждённого плана проведения операции. Видимо, так торопились, что даже название забыли придумать.

Уже значительно позднее, когда закончился чеченский конфликт, министр обороны П. С. Грачёв так вспоминал те роковые и драматические дни, когда принималось сложное решение о вводе войск в республику (заседание Совета безопасности в конце ноября 1994 года):

«Доклад о текущем моменте делал министр по национальным вопросам Егоров Николай Дмитриевич. Он говорил, что в Чечне всё нормально: „в результате работы с населением“ мы достигли прогресса – 70 процентов чеченцев ждут, когда войдут российские войска. Остальные тридцать в основном нейтральны. Соппротивление окажут только отщепенцы. Егорова тогда называли не иначе как „вторым Ермоловым“ на Кавказе. На том заседании Совбеза меня просто взбесила его фраза о том, что чеченцы будут посыпать нашим солдатам дорогу мукой».

Правда, Павел Сергеевич оказался тогда в меньшинстве, а точнее сказать, был чуть ли не единственным из участников заседания Совета безопасности, кто убеждал присутствующих в нецелесообразности ввода войск, особенно в декабре. Если уж проводить операцию, то только весной. К его мнению не прислушались. В штабы ушли директивы о подготовке и проведении операции. Но уже довольно скоро П. Грачёв в беседе с журналистами бросил фразу, видимо, не подумавши: «Одним десантным полком возьмём Грозный». Она к нему приклеилась надолго.

Армия была не готова к войне, переживала тяжёлые времена после распада Советского Союза. Активно шло сокращение, резали «по живому». Под волну увольнений попала бо́льшая часть офицерского состава. А это были опытные и проверенные кадры. И никого не волновало, что такие сокращения (только на первый взгляд обоснованные и нужные, заманчивые по экономическим и внутриполитическим причинам) подрывали безопасность региона, где стремительно нарастала напряжённость в межнациональных отношениях, назревала конфликтная ситуация.

В результате таких преобразований, да ещё и на фоне сокращения финансирования армии нарушались основные её устои: страдала плановая боевая подготовка, отсутствовала слаженность и взаимодействие на уровне важнейших штатных звеньев рота – батальон. «Повыдерганные» из разных частей, подразделений и взводов, солдаты и офицеры часто не знали друг друга в лицо.

Но и на более высоком уровне были свои заморочки. Взять, к примеру, этап оперативного планирования первой чеченской кампании. Вся тяжесть и ответственность планирования операции легла на штаб Объединённой группировки войск, созданный на базе штаба СКВО. На помощь прибыли прикомандированные представители Генерального штаба – свыше ста человек. Они в основном выступали в роли консультантов. Но зачастую просто мешали работать штабистам: вместо того чтобы предоставить чёткую и достоверную информацию о противнике, данные о возможном характере боевых действий, ориентировку на главарей бандформирований и их местонахождения консультанты создавали атмосферу «начальственного психоза»: постоянно дёргали, торопили с принятием решений, при этом не несли никакой ответственности за свои «консультации». Об этом мне рассказывали офицеры оперативного управления штаба округа.

Что же говорить, если командиры, начиная от комбата и ниже, которые участвовали в штурме Грозного, не имели при себе даже карты города! А если у кого и были карты, то в лучшем случае образца 1980 года – устаревшие, на которых отсутствовали целые микрорайоны. Такие вот «мелочи» потом очень скажутся в ходе январских боёв. Но тогда в эти детали никто не вникал. План операции был одобрен на самом верху, почти без замечаний.

30 декабря 1994 года войска с боями подошли к Грозному и окружили его с трёх сторон. К этому времени были созданы группировки войск нескольких направлений: Север, Северо-Восток, Запад и Восток. Командовали ими генералы К. Пуликовский, Л. Рохлин, В. Петрук и Н. Стасков. Учитывая реальность обстановки, стало ясно – лёгкой «прогулки» не будет. Победным маршем в город просто не войти. Боевики уже продемонстрировали свою мощь и прыть в ходе кровопролитных декабрьских боёв. Но основные свои силы сосредоточили в Грозном.

Город превратили в мощные оборонительные рубежи: внутренний, средний и внешний. Создали сплошные узлы сопротивления вокруг президентского дворца, монолитных административных и жилых зданий. Вдоль главных улиц и проспектов заранее подготовили огневые позиции для стрельбы по танкам, машинам прямой наводкой. В районах перекрёстков и мостов оборудовали опорные пункты с запасами оружия и боеприпасов. Хорошо организованная разведка, доскональное знание города, использование летучих отрядов на легковых машинах позволяло им маневрировать на узких улицах и в районах жилого сектора.

В бой были брошены самые боеспособные подразделения дудаевской армии. По оперативным данным, в городе сосредоточились порядка 10 тысяч хорошо вооружённых боевиков. На вооружении они имели порядка 25 танков, 30 боевых машин пехоты (БМП) и бронетранспортёров (БТР), до 80 артиллерийских орудий (в основном 122-миллиметровые гаубицы Д-30) и миномётов. Кстати, руководил обороной А. Масхадов, бывший кадровый офицер Советской армии.

В город смогли прорваться лишь группировки «Север» и «Северо-Восток». Они вели бои в окружении превосходящих сил дудаевцев. Катастрофическое положение сложилось в районе железнодорожного вокзала. Несколько дней сводный отряд 131-й бригады и батальон 81-го мотострелкового полка отражали яростные атаки боевиков.

Новогодний штурм

Командир мотострелковой роты старший лейтенант Рустем Клупов действовал в составе сводного отряда Майкопской бригады. Будучи назначенным комбатом (сменил раненого командира), вырвался из окружения, получил ранение, но поставленную задачу выполнил. Удостоился высокого звания Героя России. Вот его рассказ о тех драматических днях:

«От бригады и полка в Грозный вошли по два батальона, укомплектованные по штату мирного времени. Штат военного времени предполагает иметь в мотострелковой роте 120 человек, штат мирного времени – 81 человека, но с учётом текущего некомплекта и доукомплектования моей 3-й мотострелковой роты (МСР) личным составом за счёт других подразделений бригады в Чечню отправилось 69 человек. Из них в штурме Грозного принимало участие 56 солдат и офицеров (в Грозный не входила одна БМП по техническим причинам. Отстала с личным составом, старшина с водителем „Урала“ остались собирать лагерь, который мы оставили утром 31-го, двое раненых в предыдущих боях. А замполит Кучеренко сбежал после первого боя). За счёт такого усечения мы имели полнокровные отделения по 8 бойцов на БМП, однако назвать полнокровным батальон, укомплектованный на 50 %, не приходится, тем более что в штурме не принимали участие миномётная батарея, противотанковый взвод, взвод материального и технического обеспечения. Перед убытием нам не выдали подствольные гранатомёты и пистолеты, мол, подрастеряете. Насколько они могли бы быть полезны, каждый

может оценить сам. Однако батальон (сводный отряд) был усилен танковой ротой и зенитной батареей на „Тунгусах“. Итого: около 250 штыков, БМП-2-22 ед. танков – 10 ед., ЗСУ – 6 ед., КШМ – 3 ед. Так же было и в других подразделениях, вошедших в город в последний день 1994 года. Таким образом, мы представляли собой броневой ударный кулак, предназначенный для прорыва обороны в городе, а за нами должны были пойти на зачистку внутренние войска и десантники (такой план нам озвучивали на совещании за сутки до штурма). Только случилось всё так, как случилось. Десантники начали действовать только через двое суток, а взвэшников я вообще не видел. И при этом Боже упаси усомниться в их отваге и готовности к выполнению боевой задачи. Здесь нужна была организация и железная воля командующего к победе. Именно в таких условиях из генералов рождаются гении полководческого искусства или военные преступники. Хотелось бы отдать должное генералам А. Квашнину, К. Пуликовскому, И. Бабичеву. В трудных условиях первых неудач не бросили войска и не убежали домой. Чего, к сожалению, не скажешь о некоторых других генералах.

Во второй половине дня 31 декабря комбриг полковник И. Савин вызвал меня к себе. Обстановка к этому времени суток складывалась боевая и даже несколько пессимистично-удручающая. Боевики давили со всех сторон и по всем флангам. Война в полном её проявлении с отдельно выраженными эпизодами отваги, трусости, верности долгу и шальной браваде растеклась по всему городу. Все танцевали одну кровавую кадрили под аккомпанемент оркестров из больших и малых духовых инструментов. Кто-то отплясывал в центре зала, кто-то курил у окошка, а кто-то скромно жался у стеночки. Именно в этом эпизоде хотелось бы рассказать о моём близком боевом друге и однокашнике по Ташкентскому ВОКУ на тот день командиру взвода старшем лейтенанте Дмитрие Аденине. Я благодарю Бога и провидение за то, что этот офицер был тогда рядом. На него всегда можно было положиться, и этим он неведомо для самого себя мобилизовывал во мне такие силы духа, о существовании которых я до этого боя не догадывался.

Приглашение командира бригады настораживало, обычно в мирной жизни к командиру вызывали, чтобы получить „на орехи“. Для поддержки на случай „если что“ я позвал с собой Аденина. Димка сразу сообразил, что дело может пахнуть керосином, и прихватил с собой бутылку шампанского и банку консервированных овощей „Глобус“. Пояснил, что в канун Нового года без подарков к начальству не ходят. Продукт был натуральный из соседнего привокзального киоска, развороченного огнём противника.

Группа управления штурмовыми отрядами бригады во главе с полковником И. Савиным располагалась на привокзальной площади, укрытая от шквального огня боевиков за бронёй своей командно-штабной машины.

– Пригнись! Ложись! – кричали они нам и махали руками, когда мы подходили к этому месту. Пригнувшись, подошёл к комбригу, опустил на колено перед ним.

– По вашему приказанию прибыл!

– Как обстановка?

– Давят, товарищ полковник! Больше со стороны почтамта и вдоль улиц простреливают конкретно. В роте один погибший, четыре раненых. Держимся.

Подошёл начальник штаба батальона Юра Чмирев, присел рядом.

– Приказываю Клупову принять командование батальоном вместо раненого Хмелевского, – слегка осипшим голосом громко проговорил Савин, – и не вздумайте власть делить! С этого момента комбат Клупов. Разберёшься с обстановкой, доложишь решение. Всё, идите.

– Есть! – кратко ответили мы с Юрой и отошли в сторону обсудить детали. Затем начался выход Аденина. Этот большой во всех отношениях человек вытянулся во весь свой гигантский рост и громко прокричал:

– С Новым годом, товарищ полковник! С Новым годом, товарищи офицеры! – и, нагнувшись, поставил у ног комбрига шампанское и банку с маринованными овощами. Первым от лёгкого шока отошёл замполит В. Конопацкий.

– Откуда дровишки? – прищурившись, спросил он. Аденин на секунду замялся, он-то ожидал благодарности и всё такое, а тут допрос и опять палёным пахнет за мародёрство.

– Да тут за углом универмаг работает, бойцов послали, – стал выкручиваться Димка.

– Что?! – возбужденно протянул Конопацкий. – Никаких магазинов, никуда солдат не отпускать! – Все посмотрели на Аденина укоризненно. Мол, ай-ай-ай, нерадивый какой. Солдат отправил!

Что это было? Это был пример абсолютной неперестройки психики замполита бригады с мира на войну. Какой, к чёрту, магазин, когда мы в окружении боевиков? Как воевать, если держать солдат возле себя, как курица цыплят? Аденин нашёл неподходящее время для шутки. Такие казусы ещё встречались, но к ночи все прочувствовали на себе все тяготы боя в окружении.

Кстати, та бутылка ещё долго лежала нераскупоренной у БТРа – почти всю новогоднюю ночь. А под утро в неё то ли пуля, то ли осколок попал. Так и остались там лежать стеклянные осколки бутылки попеременно с осколками гранат и снарядов.

Так я стал комбатом.

Во второй половине следующего дня комбриг поставил задачу на выход из окружения. Я попросил оставить меня с группой добровольцев продолжать удерживать вокзал, но Савин и слушать не стал. Приказ есть приказ.

Направление выхода – вокзал, парк им. Ленина (там заняли позиции десантники генерала И. Бабичева).

Боевой порядок: отряд обеспечения прорыва на случай встречи с противником (авангард – моя рота), группа управления с комбригом, группа выноса раненых (вторая рота), группа прикрытия и предотвращения преследования (арьергард – первая рота). Параллельно, под командой начальника оперативного отделения подполковника Ю. Клапцова должны были выдвинуться две БМП и танк, загруженные ранеными. Эти боевые машины должны были соединиться с основными силами через пару кварталов. По перрону они проехать не могли из-за плотной застройки. Танк согнали с перрона, и он уже грузился на рельсах. Две БМП загрузились во дворе соседнего недостроенного здания под постоянным обстрелом боевиков. На всех машинах боеприпасы были израсходованы, топлива оставалось совсем немного.

К этому времени нам стало ясно, где дудаевцы сосредотачивали свои основные силы. И я оставил на прикрытие этого направления самую полнокровную 1-ю роту под командованием Е. Пашенко. Перед ним стояла задача удерживать вокзал до того момента, пока основные силы не отойдут на безопасное расстояние. Затем отходить самому.

К началу прорыва часть вокзала уже была захвачена боевиками. Нас отделяла глухая стенка, разделяющая вокзал на зону дальнего следования и пригородную. Когда из здания вокзала вынесли последнего раненого, перестрелка шла в зале ресторана. Боевики находились на кухне, а мы в зале ожидания. В ход пошли гранаты.

Всё шло по плану до тех пор, пока Пашенко со своей ротой не рванул с вокзала. Это произошло ещё до того, как мы отправили танк. Эти „олени“ бежали так энергично, что обогнали группу управления и смешались с авангардом. Это стало для меня полной неожиданностью. Когда Пашенко перепрыгнул через меня (я лежал недалеко от выхода и прикрывал погрузку танка, со мной остался последний резерв – сержант Майоров с двумя огнёмётами), я окликнул его уже в спину:

– Стой, Женя, куда бежишь?!

Он, чуть притормозив, прокричал мне в ответ:

– Всё! Я задачу выполнил! – и притопил дальше.

Я от отчаяния и бессилия, что не могу побежать за ним, остановить, вернуть, вскинул автомат и прицелился в спину. Никто бы не узнал, кто прикончил труса. Да и особо никто не разбирался бы. Всё тогда списали бы на боевиков. Например, ранение Аденина, которое он получил от солдата, выбегающего из вокзала с круглыми от ужаса глазами. Димку спас бронжилет. Две пули срикошетили от бронепластин. Одна прошла по ребру навывлет, четвёртая перебила тазобедренную кость. Бегство арьергарда заставило меня остаться прикрывать отход бригады вместо того, чтобы продолжать командовать батальоном. Я надеялся, что комбриг сделает всё, чтобы сохранить вокруг себя костяк бригады.

Но всё пошло наперекосяк. Я вернулся на вокзал, хотел лично убедиться, что не остались раненные. Там несколько смельчаков ещё вели бой с боевиками, проникшими в кухню ресторана.

– Эй, русский! Держи подарок! – кричали дудаевцы, и мы слышали, как срабатывает запал гранаты.

– Граната!!! – орали мы и прятались за угол. Взрыв оглушал до резкой боли в ушах, мозги переворачивались, но осколки нас не доставали. Потом мы бросали свои подарки боевикам. Слышались взрывы и крики, отчаянная стрельба вперемежку с руганью и „Аллах акбаром“, усиленной эхом стен. Бойцы, расстреляв последние патроны, выбегали на улицу.

Я, перезарядив последний магазин, кинул гранату Ф1, дав длинную очередь в сторону ресторана, рванул к выходу. Кажется, я попал: страшные крики и громкие хрипы раненого зверя слышались из темноты.

На перроне опять залёг у основания железобетонного забора. Был уверен, что раненых на вокзале не осталось. Там, возле входа в камеру хранения, остались лежать только одиннадцать тел погибших наших товарищей. Мы смогли их забрать позже, через несколько недель, когда окончательно отбили район вокзала.

Из темноты со стороны двора, где грузились БМП, в полный рост вышел командир второй роты Валера Николаев с пулемётом. Он был немного не в себе после контузии. Увидев меня, невообразимо обрадовался.

– Вот гады, пулемёт бросили, с полным коробом, – пожаловался он мне.

Его люди тем временем выносили и грузили раненых на бронемшины. Ротный руководил погрузкой.

А Димку Аденина грузили долго, и надо отдать должное этому мужественному офицеру. Превозмогая боль, смог занять место на подкрылке танка. Сам перетянул жгутом рану, привязал раненую ногу своей портупеей к здоровой, вколол себе промедол и, ухватившись руками за ствол зенитного пулемёта, ехал на броне. Пока у танка не кончилось топливо. Потом его, весом 90 кг, несли ещё полдня на руках. Его спасли врачи выездной хирургической бригады Центрального военного госпиталя им. Бурденко, сделав первую операцию там, в походной операционной.

Мы отходили вдоль железнодорожных путей. Впереди, в темноте ночи, угадывались строения товарной станции. За спиной догорала цистерна с нефтью и хорошо освещала район вокзала со стороны перрона.

С дальней стороны вокзала вдруг стал бить пулемёт. Какой-то местный Рембо выскакивал из-за угла и от бедра пускал очереди в темноту. Выпущенные им пули дырявили ночь, но не более...

Я приказал ответный огонь не открывать, чтобы не обнаружить себя. Обнадёживало то, что боевики ещё не опомнились, а потому и не стали нас преследовать. Даже к выходу из вокзала, через который мы покидали здание, они опасались приближаться.

– Стой, кто идёт? – остановил нас окрик из темноты. – Я рядовой 81-го Самарского полка! А вы кто такие?

Это оказалось настолько внезапно, что мы и спрятаться бы не успели.

– 131-я бригада! – ответили мы.

За новенькими деревянными шпалами, пахнувшими дёгтем, мы обнаружили солдата в укрытии с бойницами под длинной черепичной крышей товарного перрона.

– Молодец, солдат, зови командира, а мы здесь подежурим.

Минут через десять пришёл капитан Д. Архангелов. Мы познакомились. Я поинтересовался, получил ли он команду на отход. Он подтвердил.

– Вот только БМП заведу.

Это было приятной неожиданностью. Капитан смог сохранить три боевые машины пехоты.

– Слушай, заведёшь машины, грузи на них раненых. Остальные пусть идут пешком впереди и по сторонам. Пройдём, подтянем машины, встретим духов, расхерачим из пушек, пойдём дальше, понял?

– Хорошо, – ответил он мне и скрылся в темноте.

Через какое-то время из ворот управления товарной станции выехала первая машина.

– Товарищ капитан, – прошептал мне на ухо Майоров, – духи идут.

Он шептал так тихо, будто думал, что его может услышать кто-то ещё. Но этот шёпот оборвал сердце. Я прильнул к амбразуре. В двух сотнях метров от нас по путям медленно двигался отряд в двадцать – двадцать пять штыков. Они хорошо просматривались на фоне горящей цистерны.

– К бою! Валера, ты где?

– Здесь я, – откликнулся Николаев из темноты.

– Патроны к автомату есть? – спросил я, вспомнив, что у самого осталось меньше магазина.

Мне передали полный магазин. Я обернулся, из ворот уже выходила вторая БМП.

– Бьём кинжальным с 30 метров, чтоб никто не ушёл.

Мы изготовились к стрельбе.

– Сначала очередями, потом одиночными. Патронов мало, – добавил Николаев.

– Понятно, товарищ капитан, – послышался из темноты голос сержанта.

Но когда группа людей, которую мы готовы были уничтожить, подошла ближе, мы услышали русский мат и рассмотрели, что это несут раненых...

– Не стрелять! – громко сказал я. – Кажется, наши.

Это действительно были наши раненые. Я не мог поверить своим глазам. Откуда? Я же сам проверил вокзал и комнату матери и ребёнка, где был полевой лазарет и другие закоулки. Вынесли всех.

Тогда разбираться было некогда, мы просто помогли поднять на перрон раненых и одного умершего от ран. А потом уже разобрался и понял, что это были раненые со второй БМП, уходившей от вокзала. Она была подбита, но завелась, правда, долго не проработала: из-за перебитых дюритов двигатель быстро вышел из строя.

Другая БМП, что шла впереди, остановилась. На броню взять смогли только двух человек. Грузить там было некуда, раненые буквально свешивались с бортов в разные стороны и держали друг друга. Ничего не оставалось, как выбираться пешком. Тогда раненые подняли раненых и понесли по железнодорожным путям. Так они и вышли на нас. Это хорошо, что мы не поторопились стрелять, подумал в тот момент я.

Тем временем вышла третья БМП, и раненых посадили на неё. Машины ждали меня, пришёл посыльный позвать нас, и у меня было огромное желание сесть и умчаться на полном ходу из этого ада... Но ещё большее желание зрело во мне вернуться и ещё раз проверить вокзал, посмотреть вокруг – может, ещё кого найдём. Тем более что боевики продолжали с кем-то воевать, посылая длинные очереди в разные стороны. А может, они праздновали победу?

– Передай ротному, мы остаёмся, – решил я вслух и добавил: – Передай командиру, что там впереди идёт группа управления бригады с комбригом, надо будет взять её на борт, понял?

Солдат побежал к машинам, а я вернулся к своим товарищам, устроившимся в шпалах. Я был уверен, что комбриг сделает всё правильно и они скоро будут в относительной безопасности. Однако судьба распорядилась иначе.

– Надо возвращаться на вокзал, мы там могли оставить раненых.

– Ты же сам проверил всё перед отходом, – возразил Николаев.

– Проверил. Но эти-то откуда?

– Нет смысла возвращаться. Нас мало, боеприпасы на исходе.

Голос Валеры оборвал свист падающих снарядов и несколько разрывов в сотне метров от нас. Это была артиллерия десантников, обеспечивая выход своей разведки. Каждый последующий залп посылал снаряды всё ближе к нашему укрытию. Не сговариваясь, мы стали накидывать шпалы над головой, успели положить три, когда ударили по нам. Снаряды рванули дружным хором вокруг, прожужжали осколки, но только один, чуть запоздалый, шмякнулся рядом между рельсами в лужу и громко зашипел. Мы его не видели, но он был так близко, что я просто ощущал его всем нутром. Снаряд не взорвался.

– Что это было? – спросил Валера.

– Это был наш снаряд, – двусмысленно ответил я.

– А чё он того, не взорвался? – неуверенно произнёс Майоров.

– Значит, наше время ещё не подошло, – ответил Валера.

За истекшие двое суток это был уже третий случай, когда смерть заглянула мне в глаза. Имитация огневого вала прошла вперёд к вокзалу.

Надо было уходить. „Если духи не грохнули, могут свои же и завалить“. Мы пошли в сторону парка им. Ленина и через некоторое время встретили разведку десантников. Запрыгнув к ним на броню, мы через некоторое время оказались в парке. Там были наши.

На следующий день я собрал остатки бригады и вывел их из города в район восстановления боеспособности. Кстати, ещё одну БМП с капитаном Архангеловым и нашими ранеными встретил уже в парке.

Все, кто выходил на БМП с командиром бригады и с Клапцовым, имели более трагический конец. Кольцо окружения севернее парка Ленина в районе Дома печати замыкал полк спецназа боевиков „Борз“ Р. Гелаева. В этом месте были подбиты три боевые машины. Раненых, которые не могли самостоятельно передвигаться, боевики расстреляли на месте. Остальных захватили в плен. Тело командира бригады также нашли в этом районе.

В парк Ленина вышла только машина Архангелова и несколько человек пешком».

Радиоэфир во время боя (расшифровка переговоров)

Участствуют: генерал К. Пуликовский, командующий группировкой «Север» (командный пункт), полковник И. Савин, командир 131-й бригады (железнодорожный вокзал), офицеры (с различными позывными), находившиеся в колонне, шедшей на помощь окружённым сводным отрядам.

– [Савин] 12-й, приём!

– [Савин] 12-й, приём!

– [Савин] [12-й], приём!

...промежуток времени

– Олимп, приём!

– [Савин] [Я?] 10-й, приём!

– [Олимп-12] Я Олимп, приём!

– [Савин] 12-й, 12-й, приём!
– [Я?] 12-й, приём!
– [Савин] [неразб., похоже на «104-й»], где ты находишься, приём?!
– [Олимп-12] Иду к переправе.
[неразб.]
– [Олимп-12 повторил] Иду к переправе.
– [Савин] [Не]...понял, не понял, где сидишь?!
– [Олимп-12] [Я] 12-й, Олимп, иду к переправе!
– [Савин] Не Олимп, не Олимп... 12-й, я Калибр-10, приём!
– [Пуликовский] 12-й, я 11-й – ответь 10-му, приём!
– [Савин] 11-й, он меня слышит или нет, приём?!
– [Пуликовский] 12-й, я не слышу. Не слышу ни Горца я, не слышу, ни 12-го не слышу...
– [Савин] Нет, это не тот, это не тот...
– [Пуликовский] Леска-12, Леска-12, ответь, ответь, Леска-12! Я Слиток-11, приём!
– [Савин] 12-й, 12-й, приём!
– [Пуликовский] 12-й, я 11-й! Леска-12... Я Слиток, приём! 10-й [?], я 11-й, приём!
– [Бубнящий] 12-й подбит...
– [Бубнящий]...Ноль двенадцатый... кто меня слышит? Двенадцатый... кто меня слышит, приём?! Двенадцатый... кто меня слышит, приём?!
– [Я?] 12-й...
– [Савин] Где старший, где старший, 12-й?!
– [Бубнящий] Колонну блокировали...
– [Савин] Кто и как?
– [Бубнящий] Не понял!
– [Савин] Как блокировали: стрельба идёт или... просто люди?
– [Бубнящий] Идёт стрельба с домов... Подбили первую БМП...
– [Савин] Понял! А развернуться и уйти на другой маршрут нельзя?!
– [Бубнящий] Связи ни с кем нет...
– [Савин] Попробуйте развернуться и уйти на другой маршрут, потом вас всех сожгут там, приём!
– [Бубнящий] Понял!
– [Савин] Старший, приём!
– [Савин] 12-й, я 10-й, приём!
– [Савин] Понял... Ой [сильная стрельба]...Понял! Нашу колонну [131-й омсбр]...докладывает 12-й, зажали, зажали! Первая машина горит, приём!
– [Пуликовский] Что? Не понял?!
– [Савин] Первая головная машина... горит.
– [Пуликовский] Понял, понял!
– [Савин] 12-й, 12-й, я 10-й, приём!
– [Бубнящий] 10-й, я 12-й, приём!
– [Бубнящий] Я 12-й, приём!
– [Савин] 12-й, я 10-й, на приеме! Доложи!
– [Бубнящий] Я один, я один имею с тобой связь... один! Остальных растеряли!
– [Савин] Не понял, не понял!

– [Бубнящий] Я один имею с тобой связь, один... я! Остальных растеряли! [неразб.] пушку заклинило.

– [Савин] Ну, вы колонной идёте... идёт... или вас тормознули всех?

– [Бубнящий] Нас всех тормознули – ведём бой!

– [Савин] Понял я, понял!

– [Савин] 12-й, приём!

– [Бубнящий] На приёме!

– [Савин] 12-й, выходишь или нет, приём?!

– [Бубнящий] Без изменений, без изменений!

– [Савин] Не понял, не понял!

– [Бубнящий] Без изменений! Стоим – ведём бой!

– [Савин] Я 10-й, приём!..Доложи, доложи, что у тебя там?!

– [Бубнящий голос из колонны помощи] По-прежнему ведём бой, по-прежнему нет связи ни с кем... По-прежнему [неразб.]

– [Савин] Ну, я понял, я понял. Выйти никакой возможности нет?

– [Бубнящий]...Выйти назад, выйти назад.....возможно... может быть... [неразб.] приём!

– [Савин] Я понял! Ну, давайте, пробуйте уйти, уйти оттуда, пробуйте выйти...

– [Бубнящий] Нет ни с кем связи, нет ни с кем связи. Я один!

– [Савин] Это... 12-й, я 10-й, приём!

– [Бубнящий] На приёме!

– [Савин] Ну, ты что? Вышел... хоть немножко или нет?!

– [Бубнящий] Не понял!

– [Савин] Из пробочек[?] не вышли, приём?!

– [Бубнящий] Не понял!

– [Савин] Ты вышел или нет?

– [Бубнящий] Выхода нет...

– [Савин] Блокирован?

– [Бубнящий] Да!

– [Бубнящий] Справа, слева стреляют с гранатомётов!

– [Савин] 12-й, приём!

– [Пуликовский] 12-й, 12-й вышел, говорит: с тыла подходит к вам, к вокзалу... С тыла подходит к вам, к вокзалу... Как попал – не знаю, но доложил его наводчик!

– [Савин] Я понял, понял! Если он слышит... Значит, пускай разворачивается, в цепь... и... через пути... выходит к вокзалу, к вокзалу,

– [Савин] 12-й, приём!

– [Пуликовский] 12-й, 12-й! Если слышишь, ответь, приём!

– [Савин] Я... 10-й! Я не слышу 12-го...

– [Пуликовский] Я тоже его не слышу! Вызываю, вызываю – не слышу. Они по какой-то по своей... я не знаю... по проводам доложили об этом!

– [Савин] Я 10-й, приём!

– [Пуликовский] Докладил корректировщик в своей сети: 12-й не отвечает! Корректировщик идёт с 12-м... доложил в своей сети, что они вышли... в тыл, в тыл вокзала... Сейчас попробуем по его сети дать [команду], чтоб они развернулись в цепь!

– [Савин] Я понял! Пускай смотрит... э-э... в сторону... депо...и влево-вправо! И главное, главное... перед зданием... вокзала – дом! Дом.

– [Пуликовский] Я всё слышу! Обстановку слышу, понял! Сейчас попробуем!

– [Савин] [Ни]...как не подыму своих, чтобы выйти. Этот дом окружать... Никак не получается...

Ниже приводятся переговоры со «104-м». Вероятно, кто-то отставший от колонны помощи. Переговоры ведутся параллельно с «Леска-12».

– [Пуликовский] 104-й какой-то к вам выдвигается? 104-й? В вашей сети? Попробуйте запросить!

– [Пуликовский] Я тоже не слышу 104-го, но он выдвигается колонной вам на помощь. Что такое «104-й», я не знаю.

– [Пуликовский, Слиток-11] 104-й, 104-й, я 11-й, приём!

– [Савин, Калибр-10] 104-й, 104-й, я Калибр, приём!

– [Савин] 104-й, 104-й, я Калибр, приём!

– [Савин] 104-й, 104-й – приём!

– [104-й] 104-й на приёме!

– [Савин] 104-й, 104-й, я Калибр-10! Приём, приём!

– [104-й] На приёме!

– [Савин] Ты где находишься? Мне сказали, что ты идёшь ко мне помочь, помочь мне, приём!

– [104-й] Ещё на посту [на блокпосту].

– [Савин] Нужна срочно помощь... Ваша помощь нужна срочно! Приём!

– [Слиток-11] 104-й, ты откуда: с запада, с севера, с востока идёшь? Приём!

– [104-й] Так, я 104-й: иду с севера.

– [Слиток-11] Понял тебя – с севера.

– [Слиток-11]...по дороге прямо выходишь, прямо выходишь... на большой скорости.

– [104-й] Баргузин-70, я 104-й: вперёд!

– [Савин]...я... 10-й, приём!

– [104-й вызывает] [Слиток] 11-ть, я 104-й, приём!

– [Савин] я... на приёме.

– [104-й] Слиток-11, я 104-й! Колонну построил, собрал. Сейчас начинаю к вам выдвигание. Если что, прикройте! Как меня поняли, приём?

– [Савин] Вы где находитесь от вокзала? Далеко? Приём!

– [104-й] При въезде в город, на блокпосту.

– [Савин] Сколько

– [104-й] Я говорю: при въезде в город, на блокпосту. Как меня понял, приём!

– [Савин] Ну, понял... только в городе много дорог... Километров примерно сколько?

– [104-й] Ну, мы... «нитка» [колонна техники] шла, «нитка» утром... вот мы от неё отстали.

– [Савин] Ну давайте, давайте быстрее, быстрее нужно помочь!

– [104-й] Иду! Если что, прикройте!

– [Савин] 104-й, 104-й! Я 10-й, приём!

– [104-й] Я 104-й, приём!

– [Савин] Ты ко мне выходишь, приём! Выходишь?

– [104-й] Иду, иду!

- [104-й] [неразб.] дорога перекрыта!
- [Савин] 4-й, приём!
- [104-й] Я 104-й, приём!
- [Савин] Поэтому я сейчас только не знаю, откуда ты движешься, но, по-моему, лучше всего было бы пройти по путям, по путям ко мне подойти... И... передо мной здание, передо мной здание – вот там все... И за мной депо, депо.
- [104-й] Я уже пошёл по этой линии... Я, наверное, не смогу сейчас ориентироваться правильно. Поэтому буду биться... пробиваться до конца!
- [Пуликовский] 104-й, где ты идёшь? Сориентируй! По Хмельницкого[?], приём?!
- [104-й] Сейчас скажу улицу! [Это] 104-й! Улица Первомайская, дом 14 напротив меня стоит!
- [Пуликовский] Понял!
- [Савин] 104-й, 104-й, приём!
- [104-й] На приёме!
- [Савин] По проспекту Орджоникидзе, я понял, что ты не пройдёшь, не пройдёшь! Поэтому нужно здесь... раньше тебе... найти маршрут выдвижения, приём!
- [104-й] Куда идти: развернуться вправо, влево?
- [Пуликовский] Ну, прямо на вокзал, прямо по Первомайской!
- [104-й] Прямо по ней идти?
- [Пуликовский] Прямо по Первомайской – на вокзал придёшь!
- [Савин вмешался] Он на... проспекте Орджоникидзе ты не пройдёшь, не пройдёшь! Надо будет где-то здесь вот... садами-огородами тебе выйти.
- [104-й] Так, я 104-й! Вы сейчас сюда можете подослать «коробочку» с проводником, чтобы нас вывел правильно, чтобы мы здесь не плутали?! Или нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.